

ДОЛГО ли пишется великое произведение? Два часа, семь дней, месяц, несколько лет? ...Все возможно, но к этим словам надо прибавить: ...и еще всю жизнь. Всей жизнью, всей судьбой создается настоящая книга. И тогда приходит час рождения:

Время —
начало
по Ленину рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более,
время
потому,
что резная тоска
стала ясно
осознанною болью.

Единственная простота и небывалая ответственность — в названии: «Владимир Ильич Ленин». И перед вступлением: «Российской Коммунистической партии посвящая». Небольшая книжечка — «томов премногих тяжелей» — первое издание поэмы, 1925 год. И под заглавием — на фоне знамен, труб, молота, серпа и солнца: В. Маяковский.

Я себя
под Лениным чищу,
чтобы пить
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишской
боишься фальши.

Мальчишкой и узнал будущий поэт имена Ленина, Маркса — еще в Грузии, на земле своего детства и отрочества, в дни первой русской революции, в 1905 году, когда вошел в марксистский кружок: «На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир», — говорит Владимир Маяковский в автобиографии «Я сам».

И потом — в Москве, подростковом, в гимназии: «Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловие» Маркса. Из коммат студентов шла нелегальщина. «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Правилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии». В поэме «Во весь голос» Маяковский скажет:

Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
За этими строками — участие юности Маяковского в партийной работе большевиков, революционное подполье, три ареста, «11 бутырских месяцев», дружба «товарища Константина» (подпольная кличка Маяковского) с борцами за свободу, встречи с рабочими... И на всю жизнь в памяти — героические судьбы «учеников Ильичевой выверки», песни русской революции...

Маяковский видел и слышал Ленина. Главное же — Маяковский вместе со всей Советской республикой жил велениями партии, идеями Ленина, которые были воплощением воли времени, истории. Маяковский постоянно, внимательно, с волнением читал новые статьи и речи Ленина. Агитационные труды, встречи с читателями, поездки по стране, «дни и ночи РОСТА», газетные выступления давали Маяковскому сознание непосредственной кровной связи с жизнью и борьбой народа, партии, советской земли. Маяковский знал, что Ленин «к товарищу милел людского лаской», но «к врагу вставал железа тверже». Маяковский был современником Ленина и вместе со всем народом любил Ильича — «самого человеческого человека» и величайшего вождя народных масс, какого знала история.

В 1920 году в стихотворении «Владимир Ильич!», посвященном пятидесятилетию Ленина, Маяковский сказал:

Я
в Ленине
мира веру
славою
и веру мою.
Маяковский был потрясен вестью о злодейском ранении Ленина, вместе со всеми советскими людьми тревожно следил за бюллетенями о состоянии здоровья Владимира Ильича. В стихотворении «Мы не верим!» (1923) Маяковский выразил общие чувства:

Разве жар
такой
термометрами меряется?!
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.

В автобиографии Маяковский «Я сам» в главе «23-й год» отмечено: «Начал обдумывать поэму «Ленин». Это было время, когда вся страна ждала выздоровления Владимира Ильича, возвращения Ленина к повседневной грандиозной деятельности основателя Коммунистической партии и Советского государства.

Нам
не страшно
усилие ничье,
мчим
вперед
паровозом труда...
и вдруг
стопудовая весть —
с Ильичем
удар.

Всенародное прощание с вождем революции стало для Маяковского непосредственным истоком мощной лирической волны, давшей начало работе над поэмой. Январь 1924 года... Маяковский переживает общее горе и вынашивает безмолвные вопросы, на которые ответит в поэме... Взя Москва.

Промерзшая земля
дрожит от гда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?
С такой глубокой думой поэт был в океане всенародного горя.

Так зреет решимость, необходимость, потребность начать поэму о Ленине: «Голосует сердце — я писать обязан по мандату долга». Но, в сущности, поэма начата гораздо раньше. И без внутреннего, жизненного и творческого пролога она не была бы написана.

Записные книжки лишь частично отражают работу Маяковского над поэмой о Ленине. Маяковский большую часть вариантов строк, строф держал в памяти, и отбор, «шлифовка» продолжались по многу часов в сутки.

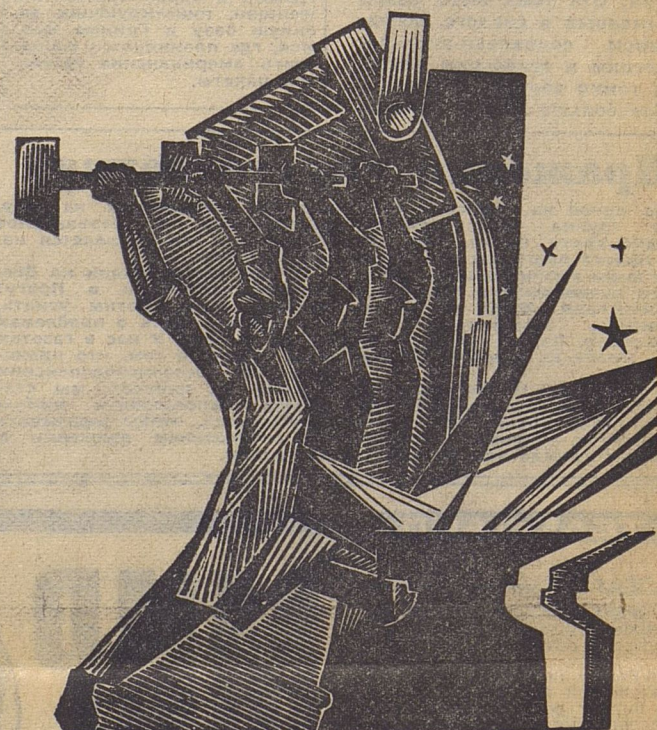
Маяковский долго никому не рассказывал о своей работе над поэмой, собирая душевные силы во имя одной цели. Вновь и вновь Маяковский перечитывал Маркса, Ленина, воспоминания о Ленине, возвращался памятью к январским дням... Первые отрывки из поэмы появились в октябре — ноябре 1924 года, в канун 7-й годовщины Великого Октября. С чтением поэмы Маяковский выступил в редакции «Рабочей Москвы», в Доме печати, перед активом Московской партийной органи-

зации как бы вынашивала Ленина — в первой части поэмы; теперь, во второй части, история, особенно России, проникается деянием и светом Ленина. Ленин и народ, Ленин и Россия едины в своей исторической судьбе: «Был с об Ленина темный класс, тек от него в просветленьи, и, обданный силой и мыслями масс, с классом рос Ленин». Поэтический образ ведет к идее партии, пронизывающей всю поэму; концентрированно возмущается эта идея прямым заявлением поэта: «Хочу сию заставить заново величайшей слово «ПАРТИЯ». Трижды повторяющиеся выводы величественны и строги: «Партия — это единый ураган...», «Партия — рука миллионнопалая...», «Партия — это миллионов плечи...» Рядом с этими рефренами чуть ироничны строки о «единице». И в итоге звучит непреклонный гимн партии, основанной Лениным: «Партия — бессмертие нашего дела». Крылато утверждается единство партии и вождя:

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем — партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем — Ленин.

ВЕЧНАЯ КНИГА

«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН»

зации. В автобиографии «Я сам» поэт отмечает: «Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы». Читатели сразу же почувствовали, какой необычайной любовью, ответственностью, каким высоким историческим сознанием продиктован замысел поэмы:

Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.

Маяковский отвергает стиль славословий, «поклонений установленный статут». Маяковский находит ленинские черты в судьбе рабочего класса, в самой истории: «Далеко давным, годов за двести, первые про Ленина восходят вести». Крупно, грозно, резко Маяковский рисует «капитализма портрет родовый». Поэт как будто создает фрески на сводах и стенах величественного здания. Эти картины проходят перед внутренним взором поэта и одновременно перед нами — движутся, звучат, проповедуют; это живой, страстный мир ленинских идей. Поэма одухотворена мыслями Ленина, поэма впитала в себя ленинскую речь, ленинский стиль, образность Маркса и Ленина.

Маяковскому с юности дорога и близка поэзия, красота, мудрость марксизма-ленинизма. Как хотел бы Маяковский уберечь новых юношей, «обдумывающих жите» от формального, внешнего, музейного отношения к истории революции! И в поэме о Ленине Маяковский произносит целый гимн Марксу, огню Маркса.

В образности поэмы Маркс — «старший ленинский брат», подготавливающий деятельность Ленина, большевиков, «красной Москвы». Ленин — родной сын истории народной, и все в истории пронизано ожиданием, предчувствием Ленина — таков поэтический образ Маяковского. «По всему по этому в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин». Такое необычное сочетание слов возвращает нас к мысли о чистоте и «мальчишеской» искренности, без которой нельзя говорить о Ленине. Маяковский может писать только от души, от сердца: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Поэзия для Маяковского в том, чему отдаю сердце. И все это не «политический пересказ», а «могучая музыка, могущая мертвых сражаться поднять».

Мировая и российская исто-

страна, ведомая партией; Ленин — штурман, рулевой корабля. Маяковский тяготеет к эпической легенде: поэт изначально чувствует красоту, песенность, музыкальность революции. И «про Ленина рассказ», который ведет Маяковский, сродни народному эпическому сказанию — при всем своем реальном историзме.

Прощание с Лениным — исток поэмы. И прощание с Лениным — заключительная часть поэмы. Но теперь это уже не только смерть, но и воскресение, бессмертие. «Безмолвие. Путь величайший окончен». Но не окончена «долгая жизнь товарища Ленина». Эта жизнь продолжается в народе, в партии, в Стране Советов, которые будут «плыть в революцию дальше». «Живой итог ленинской жизни» — третья часть поэмы.

«Суровой гвардии ленинской выправки» посвящены прекрасные строки, открывающие третью часть поэмы. Перед нами «эта сталь, железное это» — люди, которые «из горящих потоков» паровозов произносили «лишь три слова»: «Да здравствует коммунизм!» И вот после вести о смерти Ленина мы видим «плачущих большевиков», которых, казалось, не встретишь и в музее: «Ужас из железа выжал стон. По большевикам прошло рыданье».

Маяковский был на заседании XI Всероссийского съезда Советов, на котором М. И. Калинин сообщил о смерти Владимира Ильича Ленина. Через несколько дней Маяковский был на похоронах В. И. Ленина на Красной площади.

Третья часть поэмы выливается в трагический реквием огромной силы. Ведь Ленин «был человек до конца человеческого — неси и казнишь тоской человечей». Но Ленин не только в предшествующей истории — он и в грядущей. «Ленин — жил. Ленин — жив. Ленин — будет жить» — звучит рефрен стихотворения «Комсомольская» (1924). И реквием третьей части поэмы усиливает революционной воли переходит в героический гимн жизни и бессмертия. Прощание с Лениным — клятва Ленину:

До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамен в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.

Просветленный Лениным народ несет в себе ленинское сердце. «Вовек такого бесценного груза еще не несли океаны наши...» Поднимается океан народной революции. Страдание так велико, так значительно по смыслу, что становится силой. Возникает великое чувство сплочения народа. Поэт ощущает себя неразрывно слитым с народом в одном глубоком и незабываемом переживании. И неожиданно, но убедительно и покоряюще правдиво признание поэта: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз».

Маяковский запечатлел исторические события, свидетельствовавшие о верности советских людей заветам и памяти Ленина. В 1924 году комсомол принял имя — Ленинский, имя Ленина присвоено было пионерской организации. В Коммунистическую партию по Ленинскому призыву вступали тысячи и тысячи рабочих. «Стала величайшим коммунистом — организатором даже сама Ильичева смерть», — говорит Маяковский, обобщая в этой поэтической формуле массовые факты сплочения народа вокруг партии. На Красной площади V конгресс Коминтерна открыл свои заседания, и это звучало клятвой верности ленинизму. «С этого знамени, с каждой складки снова живой зовет Ленин...»

Поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин» рождена революционным энтузиазмом, творческим горением во имя бессмертия ленинской человечности и ленинской правды. Поэма написана за несколько месяцев напряженнейшего труда. И еще — всей жизнью современника Ленина, судьбой поэта, который вправе произнести: «И ему и нам одно и то же дорого». Перечитаем известные строки вступления поэмы — такие слова впечатываются, как в камень. И кажется: неужели когда-то не было этих слов? Ведь это мы так всегда говорили и говорим, это наши слова:

Время,
снова
ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
растекаться
слезной лужею,
Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знание —
сила
и оружие.

В 1929 году Маяковский пишет стихотворение «Разговор с товарищем Лениным». Такой разговор с вождем революции поэт вел всю свою жизнь. В стихотворении «Ленинцы» (1930) Маяковский сказал пророчески:

Не хнычем,
а торжествуем и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ.

25 октября (7 ноября) 1917 года Маяковский был в Смольном, видел Ленина и на всю жизнь запомнил первый день Великого Октября.

Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,
шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
оставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что все
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.

Маяковский сочетает зримую и слышимую конкретность с гиперболической масштабностью. Мы слышим «бодрый и зычный» голос Ленина, видим, как он склонился, «дрожа, волнуясь, над кипой газет», как Ленин «бочком», «незаметный», «как будто даже заспанный» проходит через толпу солдат и матросов. Такова одна, «земная» грань образа Ленина в поэме. Маяковский показывает, что в Ленине не было ничего показного, ничего от «героя», ничего претенциозного. Подвиг Ленина — «чернорабочий, ежечасный подвиг». Ленин неотделим от России. И Ленин — вождь мирового пролетариата. Ленинский «без промаха бьющий глаз» глубоко и зорко видел народную душу. Ленин понимал рабочего, солдата, крестьянина. И Ленин — мировой гений: «он в черепе сотней губерний вращал, людей носил до миллиардов полутора»; Ленин поднял над миром «мысли ярче всякого пожарщика», «он взвешивал мир в течение ночи...»

И все это Маяковский знает и рассказывает не с чужих слов, не из учебника, а как лично пережитое, свое, — вместе с тем общее, народное, ленинское, — пережитое вместе с народом и вместе с Лениным.

Маяковский видит революцию, как океан, бурю, грозу. «Люди — лодки». Но есть и корабль революции — Советская